

Научная статья
УДК 347.1

**ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Лилия Канзеловна Фазлиева

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, lkfaz@mail.ru

Аннотация. В исследовании автор указывает на развитие кластера цифровых объектов, признаваемых российским законодательством. Цифровые объекты имеют свое регулирование не только в кодифицированном гражданском законе, но и в отдельных федеральных нормативных правовых актах. Автор отмечает, что смысловая нагрузка термина «крипто» в российском правовом пространстве характеризует права, активы и валюту (код), эмитированные в соответствии с иностранной юрисдикцией. В связи с чем обращение криптовалюты (криптоактивов) российская правовая система не регулирует, что приводит к определенным проблемам в правоприменительной практике при их защите. При этом правовой статус цифровой валюты в России также до конца не определен, в систему объектов гражданских прав не входит. В связи с этим мы считаем, что отнесение цифровой валюты (в том числе и криптовалюты) к иному имуществу в системе объектов гражданских прав, установленных статей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), наиболее оптимальное и правильное решение.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровой рубль, цифровая валюта, криптовалюта, цифровые объекты.

Для цитирования: Фазлиева Л. К. Формирование кластера цифровых объектов в российском законодательстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 49–57.

Original article

**FORMATION OF A CLUSTER OF DIGITAL OBJECTS
IN RUSSIAN LEGISLATION**

Liliya K. Fazlieva

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazan, Russia, lkfaz@mail.ru

Abstract. In the study, the author points to the development of a cluster of digital objects recognized by Russian legislation. Digital objects are regulated not only in the codified civil law, but also in individual federal regulatory legal acts. The author notes that the semantic load of the term “crypto” in the Russian legal space characterizes the rights, assets and currency (code) issued in accordance with a foreign jurisdiction. Therefore, the circulation of cryptocurrency (crypto assets) is not regulated by the Russian legal system, which leads to certain problems in law enforcement practice in their protection. At the same time, the legal status of digital currency in Russia is also not fully defined, it is not included in the system of civil rights objects. In this regard, we believe that classifying digital currency (including cryptocurrency) as other property in the system of civil rights objects established by Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation is the most optimal and correct solution.

Keywords: digital rights, digital financial assets, digital ruble, digital currency, cryptocurrency, digital objects.

© Фазлиева Л. К., 2025

For citation: Fazlieva L. K. Formation of a cluster of digital objects in Russian legislation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 49–57. (In Russ.)

Введение

Перед непосредственным исследованием норм гражданского законодательства, определяющих правовую природу цифровых объектов, необходимо отметить, что в отечественной науке сложились следующие подходы к определению сущности данного понятия.

В широком смысле «цифровые объекты» следует рассматривать как имущество, требующее нового механизма регулирования общественных отношений в цифровом пространстве. Специфика цифровых объектов определяется не только характером отношений, но и характером взаимодействия между субъектами права, имеющим цифровую форму. Сущность цифрового взаимодействия участников гражданского и иного права опосредуется следующими факторами: являются дистанционными, то есть осуществляются без фактического контакта между субъектами; имеют техническую обусловленность – правоотношения возникают благодаря техническим средствам и в цифровом пространстве, которое образуется вследствие использования информационно-телекоммуникационных технологий. По мнению А. В. Тумакова, «цифровые объекты оборота становятся таковыми не по признаку среды своего существования и не по признаку *materia corpus* (существование в виде материального объекта в материальном мире), а в силу использования определенной технологии – специальной информационной системы» [1, с. 12].

Согласно узкому подходу «цифровые объекты» являются комплексным правовым институтом, который включает в себя совокупность правовых норм, содержащихся в различных отраслях российской правовой системы, направленных на регулирование вопросов, связанных с их распоряжением, защитой и распространением.

Материалы и методы

Материалами исследования являются научная аргументация авторов в области определения правового режима и правовой природы цифровых объектов в гражданском обороте, в том числе признание цифровых активов в качестве предметов общественно опасного деяния. Кроме этого, к материалам относятся эмпирические данные МВД России. При написании настоящей работы использовались общие и частные методы исследования.

Результаты

При описании цифровых объектов гражданского оборота отдельного внимания требует вопрос о правовой природе цифровых прав, цифровых активов, цифрового рубля и цифровой валюты. Остановимся на их рассмотрении.

Цифровой объект – цифровые права

Законодатель в Федеральном законе от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ»¹ внес ряд поправок в гражданское законодательство, где в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) были включены цифровые права, относящиеся к имущественным правам, и появилась новая норма – ст. 141.1 ГК РФ, регламентирующая правовой статус цифровых прав. Указанный закон определил в законодательстве России положения, позволяющие регулировать рынок новых цифровых объектов в информационно-телекоммуникационной сети, а также создал все необходимые условия для совершения сделок в цифровом пространстве.

Статья 141.1 ГК РФ состоит из трех пунктов. Нормы, закрепленные в первом пункте, устанавливают легитимную дефиницию исследуемого понятия – названные в таком качестве в законе обязательственные и иные

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12, ст. 1224.

права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Указанная норма отсылает к положениям двух федеральных законов: «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»¹ (далее – закон № 259-ФЗ) и «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – закон о ЦФА). При этом А. А. Волос задается вопросом о возможности применения положений статьи 141.1 ГК РФ по аналогии закона к указанным нормативным источникам, регулирующим видовые цифровые объекты [2, с. 19].

Кроме того, в вышеназванном пункте закреплена специфика цифровых прав. Лицо, которому принадлежит данная категория гражданских прав, может реализовать правомочия только в информационном пространстве. По мнению Р. Б. Головкина, цифровые права не только выражаются в цифровой форме, но также имеют цифровое содержание [3, с. 131]. Помимо этого, действующее гражданское законодательство исключает возможность участия в отношениях, связанных с реализацией цифровых прав, третьих лиц.

Во втором пункте указанной статьи закреплено определение понятия обладателя цифрового права: это лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. Гражданское законодательство допускает возможность наделения правовым статусом обладателя цифрового права иного лица, так как цифровые права являются объектами гражданских прав, поэтому могут становиться предметами договорных отношений, возникающих между различными контрагентами. Так, статья 454 ГК РФ

распространяется и на отношения купли-продажи цифровых прав.

В третьем пункте исследуемой статьи указано, что переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Следующим шагом российского законодателя стала возможность привлечения цифрового продукта (цифровых утилитарных прав) в инвестиционную деятельность в соответствии с правилами инвестиционной платформы. Допустимыми объектами инвестиционной деятельности являются цифровые права (цифровой сертификат) по передаче вещей и исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности, а также цифровое право требования по оказанию услуг (выполнению работ). Установлен запрет на цифровое право требования на имущество и (или) сделок с ним, подлежащие государственной регистрации (нотариальному удостоверению) (статья 8 закона № 259-ФЗ).

А. М. Лаптева указывает, что основной задачей федерального законодателя при интеграции в гражданский оборот утилитарных цифровых прав явилось не только поощрение инвестиционной деятельности, но также установление строгих правил (ограничений) и для профессиональных участников, и для инвесторов (физических лиц) [4, с. 122].

Развивая регулирование цифровых объектов в 2020 г., закон о ЦФА закрепил дефиницию понятий «цифровые финансовые активы», которые определяются через категорию «цифровые права», а также «цифровая валюта», не являющаяся подвидом цифровых прав.

Являясь разновидностью цифровых прав, цифровые финансовые активы, должны соответствовать критериям, установлен-

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31, ст. 4418.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. 6 августа.

ным в статье 141.1 ГК РФ, а процесс их выпуска и обращения должен контролироваться государством. В связи с этим законодатель разграничил и конкретизировал деятельность оператора информационной системы (оператор 1) и оператора обмена цифровых финансовых активов (оператор 2). Функциональная предназначенность оператора 1 выражается в обеспечении устойчивой и постоянной работы информационной системы, в полноте и истинности данных о цифровых финансовых активах. Для оператора 2 отведена практико-ориентированная роль – осуществление сделок. Эти лица должны быть включены в соответствующий реестр операторов, который ведется Банком России в установленном им порядке и посредством которого осуществляется надзор за деятельностью операторов. Т. В. Дерюгина отмечает, что в законе о ЦФА под «пользователем информационной системы» понимается и узел информационный системы (п. 8 ст. 1), и обладатель цифрового финансового актива, включенный в реестр, т. е. установлена подмена понятий субъекта и объекта права, где объект права наделяется совокупностью обязанностей [5, с. 8].

В гражданский оборот операторами информационных систем (по состоянию на 15 апреля 2024 г. зарегистрировано 11 хозяйствующих субъектов) выпущены следующие цифровые финансовые активы: долговые, на металлы (привязка к стоимости палладия), на квадратные метры недвижимости, в виде NFT-токенов [9, с. 9].

Таким образом, квалифицирующими признаками цифровых прав являются:

1) цифровые обеспеченные имущественные права (имущественное право требования), выпущенные по правилам цифровых российских площадок в рамках российского законодательства;

2) использование цифровых платформ для правового поля их оборота;

3) удостоверение этого права записью в информационной системе;

4) очерченный круг участников в информационной системе: обладатель цифрового права (определяющий юридическую судьбу этого права), пользователь цифрового права (имеющий возможность извлекать полезные свойства из этого права на основании соглашения или закона), информационный посредник (оператор информационной системы);

5) переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву;

6) исключена возможность участия в отношениях, связанных с реализацией цифровых прав, третьих лиц;

7) не являются средством платежа. Исключением из этого правила являются внешнеторговые договоры (контракты), разрешающие использование цифровых прав в расчетах в качестве встречного представления с принятием Федерального закона от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ¹.

Как отмечает И. Ш. Исмаилов, введение в гражданский оборот расчетов с использованием цифровых активов стало необходимым в России в условиях санкционных ограничений и попытки обеспечения вовлеченности отечественных экспортеров и импортеров в мировую торговлю [6, с. 23]. Он отмечает, что целью принятия указанных поправок в законодательство явилось признание цифровых финансовых активов, цифровых прав и утилитарных цифровых прав валютными ценностями, позволившими использовать их в качестве средств платежа только во внешнеэкономической деятельности и установившими за такими операциями обязательный контроль. По мнению исследователей (В. В. Красинский, А. Н. Норкина), с которым мы согласны, контроль направлен на усиление мониторинга операций с виртуальными активами, так как создаются предпосылки использования цифровых активов в качестве средств платежа в преступных целях, включая финансирование терроризма, оборот наркотических средств, оружия и т. д. [7, с. 89–90].

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ // Российская газета. 2024. 13 марта.

Цифровые объекты – цифровая валюта и цифровой рубль

Следствием использования технологии распределенных реестров стало возникновение цифровых валют (в том числе криптовалют) и децентрализованных финансов (DeFi). В силу части 3 статьи 1 закона о ЦФА цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося национальной денежной валютой российского и иностранного государств, а также международной денежной (расчетной) единицей. При этом часть 5 статьи 14 закона о ЦФА устанавливает запрет на принятие ее в качестве оплаты товаров (работ, услуг).

Указанная дефиниция в законе о ЦФА позволяет отграничить термины «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта». Последняя не является подвидом цифровых финансовых активов (цифровых прав), но выполняет инвестиционные функции, присущие цифровым правам. Цифровая валюта объектом гражданского права прямо не признана. На данное обстоятельство обращает внимание и правоприменительная практика, которая указывает, что криптовалюта не может быть расценена применительно к статье 28 ГК РФ иначе как иное имущество¹. Поэтому отсутствие правовой регламентации, по оценкам Г. В. Холода, делает затруднительным выбор подходящего способа защиты прав, связанных с обладанием цифровой валютой, что приводит к неэффективности отправления правосудия по спорам, предметом которых является цифровая валюта [8]. Кроме этого, в процессе выпуска цифровой валюты в обращение не предусмотрено участие какого-либо специального субъекта, как в отношении цифровых финансовых активов. Следовательно, цифровая валюта представляет собой совокупность электронных данных, необеспеченная ничем, кроме

собственной рыночной стоимости (цифровой носитель стоимости).

Схожей, но не идентичной с точки зрения содержательной характеристики по отношению к цифровой валюте определяют криптовалюту. По мнению Г. Ф. Ручкиной, подмена понятия «криптовалюта» легитимным термином «цифровая валюта» противоречит законодательству [9, с. 13]. Она же утверждает, что российский рынок цифровых валют фактически отсутствует, так как в национальной юрисдикции нет ни одного субъекта, осуществляющего ее выпуск, но российские пользователи активно вкладывают денежные средства в криптовалюты иностранной юрисдикции, что фактически является одним из вариантов вывода капитала из России.

В 2023 г. в гражданском обороте появился новый цифровой объект, относящийся к безналичным денежным средствам, – цифровой рубль (статья 128 ГК РФ). Основное предназначение цифровой версии уже существующей национальной валюты выражается в возможности использования различных видов расчетов на товарном рынке и повышении уровня финансовой безопасности участников. Следует отметить, что цифровой аналог денежной легитимной единицы России используется в настоящее время в тестовом режиме (для клиентов 13 банков). Важным фактором расчетов с использованием цифрового рубля является идентификация (выявление уникального идентификатора) и аутентификация (выдача сертификата ключа проверки электронной подписи) пользователей на цифровой платформе [10, с. 65].

При этом следует отметить, что криптовалюта, цифровая валюта и цифровой рубль имеют некоторые сопоставимые свойства, выражающиеся в:

- 1) функционировании в информационной блокчейн-системе [11, с. 59];
- 2) существовании в виртуальной форме, позволяющей осуществлять трансграничные операции [12, с. 20].

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом указанные цифровые финансовые инструменты, признаваемые (не признаваемые) в России, обладают определенными отличительными признаками, представленными в таблице 1.

Следовательно, на основании представленных данных мы приходим к следующему умозаключению: легитимной цифровой версией национальной (государственной) валюты является лишь цифровой рубль, эмитентом которого выступает государственный орган. Цифровая валюта (криптовалюта) выступает частной денежной единицей, функциональным назначением которой является средство платежа. По нашему мнению, абсолютно неверно относить цифровую валюту (криптовалюту) к одному из элементов валютного оборота всего лишь на основании наличия однокоренной части в составе термина. Это приводит к не-

правильному пониманию ее сущности и финансовой роли, а также к неверной оценке ее признаков, сфер применения и связанных с ней правоотношений. Т. В. Дерюгина выводит гипотезу о принадлежности цифровой валюты к «разновидности единого родового объекта гражданских прав» [13, с. 274]. Ярким примером оттока финансовых ресурсов происходит, когда российские пользователи инвестируют денежные средства в криптоактивы иностранной юрисдикции

В решениях правоприменительных органов отмечается, что предметом преступления, установленным в статьях 174, 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретенные в результате совершения общественного опасного деяния¹. С точки зрения М. А. Филатовой, признание

Таблица 1 – Цифровые финансовые инструменты, признаваемые (не признаваемые) в России

Криптовалюта	Цифровая валюта	Цифровой рубль
Цифровой код, выпущенный по правилам иностранного права	Цифровой код, выпущенный по правилам российского права	Безналичное денежное средство
Функционирование		
Принцип децентрализации	Принцип децентрализации (исключение – технический выпуск и фиксация оборота)	Принцип централизации (контрольные функции принадлежат ЦБ РФ)
Анонимность		
Присутствует	Частичная	Отсутствует
Эмитент		
Пользователи		Банк России
Национальная денежная единица		
Не является	Не является	Россия
Признание и защита оборота		
Не признает и не защищает необеспеченные обязательствами цифровой код, выпущенный по правилам иностранного права	Не признает и не защищает необеспеченные обязательствами цифровой код, выпущенный по правилам российского права	Признает и защищает
Право покупки, обмена, продажи		
Не ограничено	Не ограничено	Не ограничено

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 1 // Российская газета. 2019. № 51. 7 марта.

цифровой валюты имуществом для отдельных публичных целей не может иметь приоритет над положениями уголовного закона. Указанный автор также критично отмечает, что судебные органы продолжают следовать разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, а не законодательству о цифровых финансовых активах [14].

Анализ статистических показателей за 2019–2024 гг. правоохранительной деятельности показывает, что в 2,6 раза увеличилось количество преступлений, осуществляемых с применением современных цифровых инструментов и технологий (таблица 2).

При этом удельный вес общественно опасных деяний вырос с 34,8 % в 2023 г. до 40 % в 2024 г. (+ 13,1 % за аналогичный период). Следовательно, почти 50 % преступлений совершалось с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

О. А. Зайцев [15, с. 99], опираясь на статистические данные МВД России, отмечает, что в 2023 г. больше половины таких совершенных преступлений (50,6 %) являются тяжкими и особо тяжкими; более 3/4 (77,8 %) совершено с использованием сети

Интернет; почти половина (44,7 %) – с применением средств мобильной связи; 2/3 (70,2 %) – путем кражи или мошенничества; каждое восьмое (12,0 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств. При этом в 2024 г. отмечается увеличение на 7,8 % тяжких и особо тяжких составов преступлений, осуществляемых с применением современных цифровых инструментов и технологий.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) цифровые права (цифровые утилитарные права, цифровые финансовые активы) представляют собой обеспеченное имущественное право, не являющееся средством платежа (исключение – возможность использования цифровых прав и их гибридов в качестве встречного представления по внешнеэкономическим сделкам);

2) цифровая валюта (криптовалюта) является цифровым носителем стоимости, т. е. совокупностью электронных данных, необеспеченной ничем, кроме собственной рыночной стоимости;

3) цифровой рубль – легитимная денежная единица, оборот которой основан на блокчейн-технологии;

Таблица 2 – Соотношение зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации к общему количеству преступлений (2019–2024 гг.)

2019		2020		2021		2022		2023		2024	
Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.	Общее количество, тыс.	Из них с использованием цифровых инструментов и технологий, тыс.
2024,3	294,4	2044,2	510,4	2004,4	517,7	1966,8	522,1	1947,2	677,0	1911,3	765,4

4) сам процесс создания цифровых прав (валют, рубля) связан с цифровыми технологиями, их использование, требования к обеспечению их безопасности и иные вопросы, непосредственно не связанные с гражданским правом, определяются другими федеральными нормативными правовыми актами. Следовательно, задача федерального законодателя заключается в закреплении цифровых прав (рубля) в качестве объектов гражданских прав и создании контролируемого рынка цифровых объектов для обеспечения защиты прав и законных интересов участников;

5) в настоящее время в законодательстве и правоприменительной практике России никаких подробных уточнений и разъяснений о тождестве правовых статусов криптовалюты и цифровой валюты не существует. В связи с этим к термину «криптовалюта» нельзя относить цифровую валюту, цифро-

вой рубль вследствие того, что эта валюта эмитирована по правилам иностранной юрисдикции. Для унифицированного правоприменения и последующего формирования единообразной судебной практики считаем необходимым признать цифровую валюту (криптовалюту) как «иное имущество», имеющее экономическую ценность в силу возможности ее конвертации в денежные средства, опираясь на четкие и не размытые формулировки. Для этого необходимо в статью 128 ГК РФ внести изменения и изложить ее в следующей редакции: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество (включая цифровую валюту), в том числе имущественные права ...».

Таким образом, цифровым называется кластер правовых объектов, признаваемых по российскому законодательству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тумаков А. В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // *Гражданское право*. 2024. № 6. С. 9–12.
2. Волос А. А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // *Банковское право*. 2024. № 3. С. 16–23.
3. Головкин Р. Б. Цифровая форма правоотношений // *Вестник Владимирского юридического института*. 2021. № 1 (58). С. 129–134.
4. Лаптева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // *Российский юридический журнал*. 2024. № 1. С. 122–132.
5. Дерюгина Т. В. О метаморфозах категориального аппарата и праве обладания цифровым финансовым активом и цифровой валютой // *Гражданское право*. 2024. № 5. С. 8–11.
6. Исмаилов И. Ш. Правовые основы и перспективы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в трансграничных операциях // *Финансовое право*. 2024. № 10. С. 22–25.
7. Красинский В. В., Норкина А. Н. Криминологические исследования блокчейнов криптовалют в российской антиотмывочной системе // *Современное право*. 2024. № 8. С. 88–93.
8. Холод Г. В. Проблемы правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // *Право и бизнес*. 2024. № 3. С. 33–38.
9. Ручкина Г. Ф. Регулирование оборота цифровых финансов как важной составляющей экономического и технологического суверенитета России // *Банковское право*. 2024. № 3. С. 7–15.
10. Фазлиева Л. К. Цифровые активы в российском праве: правовая регламентация и правоприменительная практика // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023. № 4 (40). С. 63–67.
11. Мочалкина И. С. Классификация преступлений против собственности, предметом которых являются цифровая валюта и цифровые права // *Российский следователь*. 2021. № 10. С. 56–59.
12. Гейкина И. В. Понятия цифровой валюты и криптовалюты, их отличия // *Нотариальный вестник*. 2023. № 7. С. 17–23.
13. Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024. № 2. С. 274–288.

14. Филатова М. А. Проблемы квалификации легализации (отмывания) цифровой валюты // Уголовное право. 2024. № 5. С. 40–51.
15. Зайцев О. А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 93–112.

REFERENCES

1. Tumakov A. V. Digital financial assets as an object of digital civil turnover // Civil Law. 2024. No. 6. P. 9–12. (In Russ.)
2. Volos A. A. Digital rights: some problems of interpretation of the rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Banking Law. 2024. No. 3. P. 16–23. (In Russ.)
3. Golovkin R. B. Digital form of legal relations // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2021. No. 1 (58). P. 129–134. (In Russ.)
4. Lapteva A. M. Digital rights as objects of investment activity // Russian Law Journal. 2024. No. 1. P. 122–132. (In Russ.)
5. Deryugina T. V. On the Metamorphoses of the Categorical Apparatus and the Right to Own a Digital Financial Asset and Digital Currency // Civil Law. 2024. No. 5. P. 8–11. (In Russ.)
6. Ismailov I. Sh. Legal Foundations and Prospects for the Use of Digital Financial Assets and Digital Currency in Cross-Border Transactions // Financial Law. 2024. No. 10. P. 22–25. (In Russ.)
7. Krasinsky V. V., Norkina A. N. Criminological Studies of Cryptocurrency Blockchains in the Russian Anti-Money Laundering System // Modern Law. 2024. No. 8. P. 88–93. (In Russ.)
8. Kholod G. V. Problems of Legal Regulation of Digital Currency in the Russian Federation // Law and Business. 2024. No. 3. P. 33–38. (In Russ.)
9. Ruchkina G. F. Regulation of digital finance turnover as an important component of Russia's economic and technological sovereignty // Banking Law. 2024. No. 3. P. 7–15. (In Russ.)
10. Fazlieva L. K. Digital assets in Russian law: legal regulation and law enforcement practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (40). P. 63–67. (In Russ.)
11. Mochalkina I. S. Classification of crimes against property involving digital currency and digital rights // Russian investigator. 2021. No. 10. P. 56–59. (In Russ.)
12. Geykina I. V. Concepts of digital currency and cryptocurrency, their differences // Notarial Bulletin. 2023. No. 7. P. 17–23. (In Russ.)
13. Deryugina T. V. Problems of Defining the Legal Nature of Digital Currency // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2024. No. 2. P. 274–288. (In Russ.)
14. Filatova M. A. Problems of Qualifying the Legalization (Laundering) of Digital Currency // Criminal Law. 2024. No. 5. P. 40–51. (In Russ.)
15. Zaitsev O. A. Features of Criminal Procedure Proof in the Context of Digitalization // Journal of Russian Law. 2024. No. 8. P. 93–112. (In Russ.)

Информация об авторе:

Л. К. Фазлиева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

L. K. Fazlieva, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.